АБХАЗСКАЯ ПОЭЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ЗАРЯ ВОСТОКА"

АБХАЗСКАЯ ПОЭЗИЯ

ПЕРЕВОД С АБХАЗСКОГО

1947
ТБИЛИСИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗАРЯ ВОСТОКА"

ДМИТРИЙ ГУЛИА

ПОБЕДИТЕЛИ

Дни мира, наконец, настали,
И солнце глянуло с небес,
Вода и воздух чисты стали,
Зазеленел дремучий лес.

От ратных подвигов остынув,
Стал человек дышать ровней,
И лица, от ветров в морщинах,
Теперь становятся ясней.

Но можно ль быть рукам без дела,
Когда для них привычен труд?
И вот работа закипела,—
Давно поля героев ждут.

Сломили руки силу вражью,
И светел взгляд у всех,—взгляни,
Закалены. Посмотришь,—скажешь:
Да, победители—они!

1945 г.

М О Р Е

Стоял на берегу в глубоком я молчаньи.
Спокойно было ты, о, море, и бело.
Подобно облачку, шло от тебя дыханье,
Струящее, как пар, молочный пар, тепло.

Стояли мы и глаз друг с друга не спускали.
Казалось, веки ты открыло лишь сейчас.
Всю ночь я бодрствовал, и ты всю ночь не спало,—

Победою она обрадовала нас!

Да, мы с тобой не спали оба ночью...
Подобно двум немым, стоим мы и глядим.
Шевелишься слегка, сказать ты что-то хочешь,
Но что сказать, когда такой восторг в груди?!

На зелень берега роса с небес ложится.
Понятно всё без слов. Уж близится рассвет.
Стоим мы оба здесь: ты—море без границы,
Я—море радости, границ которой нет!

1945 г.

ПЕСНЯ О ГЕРОЕ ИЗ ГЕРОЕВ

Воин отважный, герой и храбрец,
Верный товарищ, бесстрашный боец,—
Сын твой любимый, Абхазия,
Смелый Владимир Харазия.

Танки фашистские ночью и днём
В прах обращал непокорным огнём.
Славы бессмертной достоин,
Родина, сын твой и воин!

Стал для врагов он смертельной чумой...
Только назад не вернётся домой
Сын твой любимый, Абхазия,
Доблестный витязь Харазия.

В сече с врагами, в дыму и в огне,
Сил не щадя, он погиб на войне,

Славы бессмертной достоин,
Родина, сын твой и воин!

Имя героя запомнит страна,
Песни о доблести сложит она,
И не забудет Абхазия
Светлое имя Харазия.

1943 г.

МУРАВЕЙ

В лесу дремучем ветры зашумели,
Дубы, как старые скамейки, заскрипели,
Порою молния опустошала лес,
И поднимался грохот до небес.
Гнал быстрый ветер с шумом листьев ворох,
И застилала пыль взметённая просторы.
И, поражённый силой грозной той,
Я перед ней склонился с быстротой.

Бурлило море, слившись с небосводом,
Дно обнажили ввысь взметнувшиеся воды,
Как буйвол бешеный, волна ревела там
И в берег билась с пеною у рта,
И пенистые брызги вверх летели,—
И солнце потому, казалось, зашипело.
И, диву давшись, молча, сам не свой,
Склонился я перед стихией той.

И крошка-муравей мне на глаза попался,
Он грохота, казалось, не пугался
И с ношею огромной поперёк
Он полз вперёд.
Всё время он в труде,—никто не замечает.
Упорный труженик,—никто его не знает.
Гнездо ж растёт. Смущённый, я стою.
Дорогу дал, склонившись, муравью.

1946 г.

ПАМЯТНИК РУСТАВЕЛИ В СУХУМИ

Жизнь сравню я Руставели с беспредельностью морскою.
Доброта его и храбрость схожи с моря глубиною,
Бурная судьба поэта—это море под грозою,
Морю тихому подобен он своею добротою.

Неприступны наши горы—Руставели выше их.
Горд он славой, как Эрцаху[1] блеском высей снеговых.
Горы затмевают горы, но навеки светел стих.
Рухнут горы,—стих бессмертен до конца времён земных,

Солнце зимами слабеет,—Руставели нет преграды.
Солнце всходит и заходит, но ему чужды закаты.
Солнца зной бывает тяжек,—полон лёгкой он услады,
Солнца мы подчас боимся,—Руставели ж вечно рады.

Этот памятник, стоящий близко к пенистым волнам
Он вершинам горным виден, что стоят и смотрят там,
Он открыт лучам горячим, гордым солнечным лучам,
Пусть о славной жизни Шота он рассказывает нам.

---

[1] Эрцаху—самая высокая снеговая гора а Абхазии

РОДНИК

Изогнувшись над высокой, мхами затканной
скалой,
Благодатно ниспадает ключ журчаще-ледяной.
Головой склонясь покорно, чертит путь уклонный
свой,
Всей долине возвещая, как смиренен он душой.

В дни осеннего ненастья ливней мутная вода
Тот источник маловодный поглощала без следа.
Но чудесно сохранённый, оживал родник всегда,
И была над ним бессильна знойных полдней
череда.

Раз прославленный охотник, неустанен и ретив,
Преклонил над ним колено, руки в воду погрузив.
С наслажденьем утолял он жажды пламенный
порыв,
Чтоб стремиться вновь в погоню, сердце влагой
оживив.
Ключ проклятый, ключ коварный, был так сладок
голос твой,
Так пленительно журчал ты, изгибаясь над
скалой!

Кто б сказал, что ты — тлетворен, что коварен,
ты душой,
Что недоброе таишь ты, что убийца ты прямой?

Из глубоких жил подземных, яд убийственный
тая,
На поверхность выползала смертоносная струя.
И едва успел охотник омочить усов края,
Та струя его убила, отравила, как змея.

Тотчас звери над убитым собрались со всех
сторон:
На охотника-убийцу каждый зверь был обозлён.
В утоленье давней мести был истерзан в
клочья он,
Каждый недруга отведал, как велит лесной
закон.

Но охотник умерщвлённый стал зверям ещё
страшней,
Месть жестокую свершил он, сам не ведая о
ней.
Звери тешились недолго тризной мстительной
своей:
Яд, охотника убивший, уничтожил и зверей.
А родник, средь скал журчащий в потаённой
тьме лесной,
Ниспадает и поныне влагой сладко-ледяной.
Головой склонясь к долине, чертит путь
уклонный свой
Ключ манящий и разящий, всех губящий в
летний зной.

БАГРАТ ШИНКУБА

ПЯТИЛЕТКА

То, что разрушено в годы войны
В многих районах Советской страны,
За пятилетку поднимется снова;
Все мы за это бороться готовы.

Новые воды поля оросят,
Вытеснив чащу, раскинется сад;
Скрытые в недрах подземных металлы
Родине в стройке помогут немало.

Там, где лишь ветрам просторно шуметь,
Там, где родились лишь зубр да медведь,
Там, где потоки без пользы бурлили,
Там, где стада лишь на воле бродили,—

Всё переменится в эти пять лет:
Всюду блеснёт электрический свет,

Для человека уют создавая,
Быстро, без дыма, его согревая.

Там, где пустыня, безводье, жара,
Где лишь бураны царили вчера,—
За пятилетие вырастет город,
Гордым величием радуя взоры.

Прежде невиданный чудо чудес,
Будет воздвигнут дворец до небес,
Звуками музыки слух услаждая,
В тихих зелёных садах утопая.

Там, где лишь мох да кустарник сухой,
Там, где и промысел волку плохой,
Там, где, почуствовав смерти объятья,
Путник бежал, посылая проклятья, —

За пятилетку изменится край:
Взоры чарующий вырастет чай,
И, ароматом наполнив долины,
В рощах нальются огнём мандарины.

Силы людские окрепнут в борьбе,
Всю подчиним мы природу себе.
За пятилетие сталинский гений
Родины нашей лицо переменит.

Родины раны в пять лет заживут.
Счастье несёт созидательный труд.
Будет восторг достижений изведан.
Сталин, как прежде, ведёт нас к победам!

ШАРУАН СПОКОЙНО ВОЗВРАЩАЛСЯ ДОМОЙ

Ещё и птицы не проснулись;
Восток едва-едва багрян.
За пояс острый серп засунув,
Выходит в поле Шаруан.

В бездонном небе бледно светит
Луны чуть тлеющий костёр.
Лаская листья, лёгкий ветер
Струит прохладу с дальних гор.

Деревья — путнику отрада,
И виноград — на радость дан.
Две нежных кисти винограда
В пути срывает Шаруан.

И вдруг знакомый голос слышен:
— Эй, Шаруан, иди вослед!

Глядит: за ним на поле вышел
И Уахайд—его сосед.

— День добрый!—Будь здоров, товарищ!
— Встречаем день трудом большим.
Начав страду позавчера лишь,
Её мы завтра завершим.

Преодолели перелазы,
Идут скорее и скорей,
И их глазам открылся сразу
Простор возделанных полей.

Но даже он посевам узок,
Куда ни глянешь — дивный вид;
До горизонта кукуруза
Тяжёлым золотом стоит.

Колхозники гурьбою тесной
Собрались рано поутру;
И стар, и млад с весёлой песней
Охотно принялись за труд.

Несут корзины с кукурузой,
Один другого торопя.
Арбы под этим тёплым грузом
Идут, качаясь и скрипя.

Вот здесь—чалу вязать готовы,
Сухое—складывают в стог;
И отделяют от сырого,
Чтоб урожай погнить не мог.

— Эй, Пахуала!— крикнул кто-то.
— Я тут, на дереве, э-гей!
— Уа, Кучир! Через ворота
Пробрался скот; гони скорей!

У бригадира имя — Джамра.
К нему с делами всяк идёт.
— Как быть? Зерном полна казарма;
Сарай наполнится вот-вот.

— Всё уберём пока погода.
Коль надо, кончим дело в срок...
Никто не вспомнит здесь про отдых,
Пока не выполнит урок.

В труде друзей опережая,
Ведут уборку. Кто скорей?
Немало взяли урожая,
Хоть только полдень на дворе.

Тут слово вымолвил бригадам
Чагу — седой, почтенный дед:
— Передохнуть немного надо,
Нам женщины несут обед.

Под сенью дерева густого
Все блюда ставятся подряд.
В тени, отведать их готовы,
Смеясь, колхозники сидят.

Здесь изобилье яства сыплет:
Вот курица, вот сыра кус,

Маджара. Как её не выпить?
Искриста и сладка на вкус!

С рассыпчатою тыквой вместе
Положен чищенный орех,
И с перцем соль в приятной смеси,—
Приправа к пище лучше всех.

Бокалов звон и тост при этом:
— С избытком встретить новый год!
Ну, как не выпить этим летом,
Коль счастье в закрома идёт!

Сказали про маджару метко:
— Ведь это — молодость, друзья!
— Я для тебя налил, соседка!
— Ну, тут уж отказать нельзя...

Вновь тост: — Мы будем так трудиться,
Чтоб жизнь была полным-полна,
И урожаями гордиться
Могла бы каждый год страна.

Да, это счастье в самом деле
Нам труженикам этих лет.
Для нас и радость и веселье
И солнца животворный свет.

Шутя, смеясь, за словом слово,
Заканчивали полдник свой

И дружно за уборку снова
Взялись колхозною семьёй.

Готово солнце опуститься,
Смеркаться стало. Вечер пал.
Над лесом вздыбилась зарница.
Закат багрово догорал.

Синел глубокий неба омут;
Был запад ясен и багрян.
Спокойно возвращался к дому
Усталый, потный Шаруан.

Он по дороге вспомнил годы,
Когда на фронте, под огнём,
Едва урвав недолгий отдых,
Он думал каждый раз о нём,—

Кто с честью кончит бой кровавый,
Край отстоит родимый свой
И, раны залечив, со славой
Вернётся, радостный, домой.

Мечта сбывается порою,
И Шаруан, мечту любя,
Увидел своего героя,
Увидел—самого себя.

Походкою неторопливой,
Дорогой самою прямой,
Спокойный, гордый и счастливый
Вернулся Шаруан домой.

ПАМЯТНИК СЛАВЫ

Чтоб сердца твоего остановить биенье,
Враг окружил тебя и в диком озлобленьи
На город ринулся железною лавиной...
О, Волга, Волга! На твоих равнинах
Огонь боёв, пятнавший неба своды,
Мог осушить твои мятущиеся воды!

Но город как стоял, так и стоит, не дрогнув;
Народ волнуется. Шумны и гневны стогны, —
Позор отдать врагу на поруганье город!
И грудью встали юности когорты,
Впитавшие в себя суворовскую доблесть.
Они увидели зари победной проблеск.

Враг нас хотел разбить, готовил узы плена,
Пытался нас поставить на колени.
Напрасно! Для него померкло дня сиянье:
Был Красной армией он бит на поле брани.
И мир, следивший весь за этою борьбою,
Услышал, как „ура“ грохочет боевое!

Утихла битва, смолкла канонада,—
И на развалинах героя—Сталинграда
Вознёсся славы памятник нетленный,
В веках стоять он будет неизменно.
Герои прошлого восторженно взирают
На то, что даже их деянья превышает!

1943 г.

* * *

Юноша долго и молча сидел
У моря притихшего с милой своей;
Юноша долго на море глядел
И с речью такой обратился к ней:

— Милая, видишь — я камень нашёл
Здесь. Как при солнце блестит он красой.
Если б он не был в движении волн
И не чувствовал жизни морской,

Стал бы похожим на камень тот,
Который у края земли лежит,
Недвижно лежит из года в гоц,
Вечно мохом зелёным покрыт.

Милая, знаешь и у людей,
Если в сердцах не море бурлит,
Нет в них стремлений, желаний, идей,
И если к отчизне любовь не горит,

То будут отвергнуты всеми они,
И жить без любви — не нужны никому —
И с сердцем пустым, одиноким, немым
Будут подобны камню тому.

1940 г.

ПРЕКРАСНАЯ ГУНДА[1]

(Баллада)

Окутав мраком неба своды,
Самодоволен и жесток,
Ввергая в бедствия народы,
Враг шёл лавиной на восток.

Он обрекал людей на муки, —
Была военная гроза, —
В крови его алели руки,
Горели жадностью глаза.

И вот пленился, озираясь,
Он солнцеликою страной, —
Гора Эрцаху возвышаясь,
Сверкала снежной белизной.

И в нём желание созрело
Ярмо на шею ей надеть, —
Своей рабыней Гунду сделать,
Сокровищами овладеть.

[1] Гунда — героиня нартовского эпоса.

Кто этой девушки не знает?
Подобной ей красавиц нет.
Тончайший стан глаза пленяет,
Немеет перед ней поэт.

Гордилась предками по праву,
Всегда прекрасна и юна,
Свою родимую державу
Хранила бережно она.

И смотрит в даль, всегда на страже.
Ей хорошо в родном краю, —
Цветок в лицо ей смотрит каждый,
Даря улыбку ей свою.

Враг видит: братья-нарты с нею,
Не наглядятся на сестру.
Ужель она осиротеет?
Добычей станет вражьих рук?

Ужель враги её захватят,
В рабыню превратят её?
Всю красоту она утратит,
Очаравание своё.

С врагом скрестила Гунда взоры,
Был грозен блеск её очей:
Крепка сейчас её опора
И братья-нарты рядом с ней.

Могуч их облик легендарный,
Им Гунда громко говорит:

...Исполнен замыслов коварных,
В мои ворота враг стучит...

Сто молодцов неутомимых
Оружье древнее берут, —
Сестры не выдадут любимой,
И смерть скорее предпочтут.

Помчались в битву на арашах,[1]
Врага разбили в битве той, —
И Гунда, всех красавиц краше,
Их славит в песне боевой.

1942 г.

[1] А р а ш и — легендарные крылатые кони.

* * *

Однажды вечером по берегу мы шли,
Смотря, как море отдыхало,
Друг к другу волны словно прилегли
И грудь безкрайная — морская — чуть
вздыхала.

И волны синие спокойно покрывал
Ковёр зари в узорах ярко-красных.
— Смотри, где волны прячутся, — я ей
сказал
И показал ей на ковёр атласный.

Бывает в жизни всё! И если суждено
Расстаться с тем, с кем шла ты в вечер
этот,
То вспомни, милая, грядущею весной
Ковёр зари, увиденный поэтом.

О Т Е Ц

Горело солнце ярко в небесах,
В селеньи Джирхва[1] — высохла роса.
В двор Камсагу[2] вышел и сказал:
— Я возвращусь до полудня назад...
Мужчины шли в молчаньи, чередой,
На посох каждый опирался свой,
Шли женщины, потупив в землю взор,—
Наполнился народом быстро двор.
Камсагу знал: беда во двор идёт.
— Абаапсны![3]—бросает он в народ,—
Что должен я в глазах у вас прочесть?
Какую вы приносите мне весть?
О, чует сердце, почему вы тут...
Как он погиб? Сражаясь? На посту?
Геройством славу громкую стяжал,
Или бесславно от врага бежал?
Словам Камсагу внял один старик,

---

[1] Джирхва—село, родина Героя Советского Союза Владимира Харазия.
[2] Камсагу—имя отца Харазия.
[3] Абаапсны—горестное восклицание по-абхазски.

Вонзил он в землю посох, говорит:
— Да, правда, дад,[1]—погиб твой сын геро
Он мужественно долг исполнил свой,
А есть ли чувство доблести сильней?
Твой сын к врагу не встал спиной своей,
Стяжал он славу вечную в бою,
Он отдал жизнь за Родину свою.
Снарядами не зря врагов громил,—
Десятки танков вражеских разбил.
Дад, ты—отец! Почтенен возраст твой,
И светлый путь лежит перед тобой.
Твой сын погиб за честь родной страны,
Вознёс он славу солнечной Апсны...[2]
На старика Камсагу поднял взор
И с гордостью родной окинул двор:
— Да, я горжусь!... Чего ж стоите вы
И не поднимете поникшей головы?
Мой сын погиб за край родимый свой,—
Для славы ведь рождается герой...
Он повернулся. Видит, крепок, горд,—
Семья из дома кинулась во двор.
Полы черкески ветер стал трепать.
Сказал семье, готовой зарыдать:
— Эй! Не срамите вашего отца
И памяти погибшего бойца!
Он высоко победы знамя нёс!
Ведь не купают славу в море слёз!
К чему они?... Бессмертен он, велик!...
Сказал, вздохнул, — и прочь пошёл старик.

1943 г.

[1] Дад—ласковое обращение к старшему
[2] Апсны—Абхазия

ВОСПОМИНАНИЕ

Не видел до сих пор я девушки чудесней.
Сбирая листья в серый фартук, с песней
Сидит под сенью тутовых ветвей.
Средь шелководов нет, я слышал, равной ей.
Я видел: коконы лежали у балкона.
Вот пасмы[1] мне с улыбкою смущённой
Показывает, радости полна.
Всем этим славится в округе всей она.
Я—гость. Сижу в саду её чудесном.
Взошла луна, всю осветив окрестность.
Свисают с неба звёздные лучи
И слышно, как журчат, сбегая с гор, ручьи.
Взяв ачамгури,[2] села тут же рядом.
Коса пленяет красотою взгляды,
В глазах играет яркий луч луны.
Коснулись пальцы нежные струны.
Настраивает. Ночь спустилась над землёю.
Я слово услыхал заветное, родное:

[1] Пасмы— мотки шерсти
[2] Ачамгури—народный музыкальный инструмент

— С чем я сравню тот день. Он в памяти живёт.
В тот день у нас в селе большой был, помню, сход.
С подругами стою. Лицо в огне румянца.
Увидела парней, готовившихся к танцам.
Вдруг зашумели все. В ладоши громко бьют.
Танцора все нетерпеливо ждут.
Вдруг вижу всадника какого-то на взгорьи.
К танцорам мчится, скакуна пришпорив.
Он молод был. С коня сорвавшись, вмиг
Пустился в пляс. Мелькал его башлык.
Я вижу, как сейчас,—как ястреб, он летает.
Как раскраснелась я. Была я молодая.
Ещё на танцах не бывала я.
Откуда же взялась решимость вдруг моя.
Толпу подруг пройдя, с ним рядом очутилась
И в вихре пляски быстро закружилась.
Его лицо, счастливый, ясный взор
Мне навсегда запомнились с тех пор.
Так здесь, в саду, под этими ветвями,
Возникла дружба тёплая меж нами.
То был Харазия. Он храбрым был бойцом.
Народную послушай песнь о нём...
Она коснулась нежно струн рукою
И я услышал песню о герое:

—Здесь, в горах, твоё бессмертно имя,
Солнцем над Абхазией плывёт,—
В старцах будит дух неукротимый,
Молодость к отмщению зовёт.

Создал славу ты себе в сраженьях,
Храбрый витязь Родины моей,
Бил врага огнём без сожаленья
На Руси, среди её полей.

О тебе мы слёзы лить не будем.
Ты погиб со славою в борьбе.
О тебе народ наш не забудет
И бессмертна слава о тебе.

ОСЕННИЙ САД

Хурма в саду благоухает,
Вздыхает розовый гранат,
И с лоз опущенных свисает,
Как уголь чёрный, виноград.

И листья падают, и к югу
Уж потянули журавли
И, подавая весть друг другу,
Перекликаются вдали.

Плоды румяные откинув,
На взгорьи яблони стоят,
И сотни жёлтых мандаринов
Сквозь зелень яркую блестят.

А за изогнутым гранатом,
К земле пригнувшим тонкий стан,
В лицо мне дышат ароматом
И акачич, и ахардан[1].

[1] Акачич, ахардан—сорта винограда.

Как здесь отрадно вечерами,
Когда алеет виноград
И ветви, полные плодами,
К земле склоняет пышный сад.

Когда от отблесков богряных
Он вспыхнуть, кажется, готов
И окровавлен на платанах
Их густолиственный покров!

Спеши, садовник, в день погожий
Собрать богатый урожай—
Лимон с его шершавой кожей,
И мандарин, с луною схожий,—
И зиму радостно встречай!

ШАРДА АМТА[1]

Шарда амта! Други, все ли
В сборе? Выпьем же за то,
Чтоб в сердцах цвело веселье
Девятьсот годов и сто.

Дружно кубки подымите
С чистым, искристым вином.
Двухголосой огласите
Песней радости наш дом!

Спелых гроздей дар янтарный
Блещет, пенится, шипит
И отрадой лучезарной
Наши души вновь дарит.

Дева, что струёй златою
Льёт нам в кубки ток вина,
Юным сердцем и душою
К другу расположена.

[1] Шарда амта (многие лета) — застольное восклицание.

Пусть ответит он любовью,
Что в груди его горит.
Выпьем же её здоровье,
Как обычай нам велит.

Будет — вечно молодая —
Наша жизнь полным-полна.
Всё пышнее расцветая,
Пусть проходит, как весна.

Пусть у каждого лет со сто
Не скудеет юный жар!
Выше кубки, громче тосты
За великий жизни дар

Шарда амта! Други, все ли,
Все ли в сборе? Так за то,
Чтоб в сердцах цвело веселье
Девятьсот годов и сто.

ВСЁ РАССКАЖУ ТЕБЕ

Рассвет возникает ало,
И встала с рассветом Шаша.
И радость цветам настала.
И птаха ли петь устала?
И встала с рассветом Шаша.

Идёт по траве, встречая,
Стирая ступнями росы.
К труду над кустами чая.
Идёт, только счастья чая,
Стирая ступнями росы.

Она не одна—с другими.
Всем весело над кустами.
И листья сбирает с ними
Она золотыми днями...
Всем весело над кустами.

Окинь всё весёлым взглядом,
Всё сделал народ умело.

Кусты идут ряд за рядом,
Соринки нет с ними рядом...
Всё сделал народ умело.

И полон гореньем новым,
Всё возле тебя я, Шаша.
Не скажешь об этом словом...
Безмолвно влекусь к оковам—
Всё возле тебя я, Шаша.

Но, нет! Обходя долину,
Тебе я открою душу.
Подвесив к бедру корзину,
Веселых работ не кину,
Тебе открывая душу.

КИАЗИМ АГУМАА

ПЕСНЯ О БЕРИЯ

Рокот горного потока
Нарушает тишину.
Птицы в небе синеоком
Славят солнце и весну.

Славят Берия родного,
Отстоявшего Кавказ
И великую свободу
Сохранившего для нас.

Укрываясь буркой снежной,
Вспоминая грозный бой,
Горы дремлют безмятежно,
Наслаждаясь тишиной,

Славят Берия родного,
Остоявшего Кавказ
И великую свободу
Сохранившего для нас.

Золотятся наши долы,
Вечно зелен край родной.
И бегут на берег волны
И сменяются волной,

Славят Берия родного,
Отстоявшего Кавказ
И великую свободу
Сохранившего для нас.

Песнь звенит в горах высоких,—
Это девушка поёт,
Чашу взял старик глубокий
И с волнением встаёт,

Славят Берия родного,
Отстоявшего Кавказ
И великую свободу
Сохранившего для нас.

ПЕСНЯ О РОДИНЕ

Народному поэту Грузии Галактиону Табидзе, автору стихотворения „Родина".

Родине—голос поэта,
Ей он свой стих посвятил,—
Мнится, луч яркий рассвета
Сердце в груди озарил.

Родина с детства со мною,—
Сколько в ней света, огня!
Ласковой, тёплой рукою,
Как она грела меня!

Счастьем меня окружала,
Чтоб беззаботно я рос,—
Ветром любви обвевала,
Нежным дыханием роз.

И когда, пулей задетый,
Ждал я конца своего,
Слышал я голос поэта:
„Родина—прежде всего!"

АБХАЗСКИЕ ГОРЫ

На заре на перевалах,
Где луга в цветах лежат,
Где в зелёных покрывалах
Рощи тихие стоят,—

Там по травам пробегая,
Ветерок порой шуршит,
То к деревьям припадает,
То уйти от них спешит;

Там пастух бредёт с отарой,
Песню тихую поёт;
Он спокоен, горец старый,—
Нет ни горя, ни забот.

На вершинах горделивых
Скалы голые блестят,—
Беззаботны, молчаливы,
Будто спящее дитя.

Далеко, журча и пенясь,
Ручеёк несётся с гор.
По лощинам льётся песня,—
Славит солнце птичий хор.

Всё залито ярким светом,
Миг,—и туча вдруг идёт
И в пурпуровую ленту
Превратился небосвод.

Есть ли что прекрасней в мире
Блеска молний над горой,
Грома в поднебесной шири
Над обмершею землёй?

Я смотрю вперёд без страха...
Белым пологом укрыт,
Недвижим, седой Эрцаху,
Как мудрец, вдали стоит.

1942 г.

НОВОГОДНЯЯ

По мотивам абхазского фольклора

Друзья! С Новым годом вас поздравляю,
Пусть искрятся солнцем бокалы в руках.
Вам счастья и радости я пожелаю,
Да не коснутся вас горечь и страх.

С возвышенным сердцем, среди изобилья,
Подымем заздравные чаши свои
За то, чтоб и в будущем радостно жили,
За то, чтобы светлыми были все дни.

Друзья! С Новым годом вас поздравляю.
Тебя с Новым годом, родная земля,
Так пусть же гордятся своим урожаем,
И солнцем и влагой насытясь, поля.

Хочу, чтоб джейраны по тропам скакали
В ущельях ещё не исхоженных гор.
Хочу, чтоб охотники метко стреляли,
Чтоб радовал очи бескрайний простор.

Друзья! С Новым годом вас поздравляю,
Пусть Чёрное море под солнцем блестит,
Пусть шторм, проносясь и вдали исчезая,
Лазури его никогда не смутит.

Друзья! С Новым годом вас поздравляю,
Пусть искрятся солнцем бокалы в руках,
Вам счастья и радости я пожелаю,
Да не коснутся вас горечь и страх.

МОГИЛА ГЕРОЯ

На перевале Асанчара,
Там, под скалою, у чинары,
Под сенью снеговых вершин
Боец лежит, забот не зная,
Лежит, спокойный сон вкушая,
Кавказских гор отважный сын.
Средь этих сказочных просторов
Померкли пламенные взоры,
Огонь в груди его погас.
Здесь он, сражен в борьбе кровавой,
Покрыл себя бессмертной славой,—
Здесь жизнь его оборвалась.
Как будто в горе неизбывном,
Здесь повторяют непрерывно
Любви горячие слова
И этих гор хребты крутые,
И эти скалы вековые,
И шумный ветер, и листва.
На перевале Асанчара,
Там, под скалою, у чинары,

Отважный богатырь лежит.
Спи, спи, герой, забот не зная,
Лежи, спокойный сон вкушая,—
Вокруг тебя клокочет жизнь.
Она шумит потоком горным,
Блестит, как солнца луч проворный.
Победы нашей день пригож,
И ты, герой, его участник,
Ты вместе с нами ежечасно
И вместе с нами ты идёшь.
И на рассвете каждодневно
Песнь соловьиная напевно
Тебя баюкает, герой,—
Она уходит вдаль, и вторят
Ей снеговые наши горы,
Перекликаясь меж собой.

АЧАРПАН[1]

По мотивам абхазского фольклора

I

Кружился ветер и бутоны
Цветов душистых разрывал,
Мчал лепестки по горным склонам,
В траву густую их бросал.
Шумя, поток струился горный,
Дробя скалистую гряду,
Потом прыжок,—и в бездне чёрной
Он исчезал на всём ходу.
Стоял пастух, печальный, старый,
Но ещё крепок горца стан,
Сгрудилась у скалы отара,
И грустно пела ачарпан.
Стояли овцы недвижимо,
Как будто чутко внемля ей.
Пастух стоял. Неудержимо

---

[1] Ачарпан — пастушья свирель.

Струились слёзы из очей.
И сердце стало, словно камень...
О чем он плакал,—слёз не счесть.
О той, что за семью горами?
О ней узнал дурную весть?

II

Зверей не видно,—разбежались;
Не пролетит стрелой джейран,
Косули перекочевали,
Глухарка ищет новый стан.
Обвал потряс ли эти горы?
Рвалась ли буря на простор?
Зачем пастух в тяжёлом горе,
И слезы застилают взор?
Вокруг него враги стояли,
Блестели каски их. Вблизи,
Как нож остры, штыки сверкали,
Чтоб беззащитного пронзить.
„Пастух,—враги сказали строго,—
Вперёд ты должен нас вести,
Ты знаешь горную дорогу,
Будь нам проводником в пути...“
Пастух молчал... Поток по скалам,
Срываясь, падал вниз, пенясь,
Куда ещё не проникало
Светило царственное дня...

III

Пастух шёл впереди отряда,
И тихо пела ачарпан.

Враг на него косые взгляды
Бросал, от дикой злобы пьян.
Враг издевался над абхазом...
Дошли до бездны, где внизу
Не уставал поток метаться,
Греметь, как гром гремит в грозу.
Пастух обвёл всех мрачным взглядом,
Сказал: „Опасно тут итти,—
За руки привязать вас надо,
Чтоб не сорваться вниз с пути...
Иначе—смерть всем... Руки дайте...
Вас привяжу к рукам моим...
Скорей верёвку доставайте...
Иначе жизнь не сохраним...“
И вновь пошли... Один к другому
Теперь правязан крепко был.
По небу тёмно-голубому
Неторопливо месяц плыл.
Шёл впереди пастух. Белела
Скала, как голая стена.
И было слышно, как ревела
Потока гневная волна.
„Зачем, старик, остановился?—
Спросил стоявший рядом с ним,—
Ты слово дал... Иль заблудился?...
Спасешь нас,—золото дадим...“
Старик остановился сразу,
Струилась ненависть из глаз:
„Знай, что никто в семье абхаза
Страну родную не продаст!...“
Повесив ачарпан на камень,
Он встал над бездною крутой

И прыгнул в пропасть, увлекая
Верёвкой немцев за собой.

* * *

С тех пор на той скале высокой,
Оленья вьётся где тропа,
На том же камне одиноко
Висит пастушья ачарпан.
Когда её коснётся ветер,
Она звенит, лаская слух
Той песней, что в ущельях этих
Когда-то пел седой пастух.

ЗА ЭТО Я ЛЮБЛЮ

Когда я шёл с товарищами в бой
И, смерти не страшась, врагу отпор давал,
Всегда была со мной твоя любовь,
Всегда твой взор передо мной сиял.

Хранил твой образ в сердце глубоко,
Он в холод согревал меня теплом,
Прохлада нежная струилась от него
В часы, когда дышало всё огнём.

Меня хранила верная любовь,
Гнала тоску, целила мой недуг.
Когда я сам беседовал с собой,
Казалось, что с тобой беседую в саду.

Я не скажу, что ты прекрасней всех,
И ты не просишь этих слов пустых,
Но сердце девушки, её весёлый смех,
Как спутники глубоких чувств моих.

И с первых дней ты стала для меня
Моею путеводною звездой,

Когда я ехал в дальние края,
Сказала мне: „Сростись с своей землёй“.

И как неиссякаемый родник,
Твоя любовь в душе моей поёт.
Дай руку мне, чтоб к ней бы я приник.
Твоя рука мне счастье принесёт.

ЦВЕТОК В САДУ

В садах Абхазии, на солнечном просторе,
Благоухает он, цветок любви моей.
Когда в дни юности касалась сердца горечь,
Я шёл к нему, чтоб рассказать о ней,

Навстречу мне свои он раскрывал объятья
И крепко прижимал меня к своей груди,—
Я ласку чувствовал в пьянящем аромате,
Успокоение мгновенно находил.

Был юным я тогда. Цветок был тоже молод.
Как возмужал теперь и как разросся он!
И жизнерадостный, счастливый и весёлый,
Он смотрит на меня теперь со всех сторон.

Прильну к нему,—и вновь спокойным сердце
станет.
Медвяный аромат его везде разлит,
Он в каждом листике, и розу, что увянет,
Своим дыханием он тотчас оживит.

Я этот аромат ловлю в порывах ветра,
Им дышит всё вокруг, им каждый жив росток.
В саду Абхазии расцвёл он пышным цветом
И виден издали, любимый мой цветок.

Однажды, помню я, нагрянуло ненастье,
Сомкнулись у цветка зелёные листы,—
Но солнце из-за туч заметило несчастье,
Взглянуло на цветок, согрело с высоты.

И буря улеглась. И вновь цветок воспрянул,
Ещё прекрасней стал,—и ярче и нежней...
В садах Абхазии цветёт, благоуханный,
И летом и зимой цветок любви моей.

ГОРОД ЦВЕТОВ

То мерим близь, то смотрим вдаль мы
Из-под цветочного покрова.
Блестят раскидистые пальмы
На фоне моря голубого.

Сады зелёные и рощи,
Дома, строенья, говор бойкий
И как свидетель нашей мощи
Всё оживляющая стройка.

И дышат пьяным ароматом
Чешуйчатые эвкалипты.
О, город мой морских закатов,
Как сердцу пламенному мил ты.

Бушуя среди гор, Беслети
Течёт спокойно по равнине,
И взор не может не ответить
Восторгом радостной картине.

А было время—мчались тучи,
Чтоб затемнить твоё сверканье,
Но солнце Родины могучей
Непобедимо, как желанье.

Окинул край орлиным взором
В час битв герой непобедимый,
И оживились долы, горы,
Где рос наш Берия любимый.

В святое дело правды веря,
Соратник Сталина родного,
Он тучи чёрные развеял,
Вернул блеск солнца золотого.

То мерим близь, то смотрим вдаль мы
Из-под цветочного покрова.
Блестят раскидистые пальмы
На фоне моря голубого.

ТВОИ ПЕСНИ

Памяти Николоза Бараташвили

Исчезнет тело. песня остаётся...
Она не гаснет в сердце никогда.
Твоих стихов напев мне в сердце льётся,
Как родника прозрачного вода.

Будь соловьём над розою чудесной
Или струною ачангури я,
Неслыханной я залился бы песней,
В груди своей обиды не тая:

Араш Абрскила на крутых вершинах
Оставил миру навсегда свой след.
Зачем же ты так рано нас покинул,
Не досказав начатого, поэт?

Пчела поутру путь свой направляет
К залитым солнцем розовым кустам,
Целует их как-будто, отлетает,—
К другим она торопится цветам.

Так я одну страницу за другою
Листаю в книге, образ твой ловлю.
Чудесный мир встаёт передо мною,
И кажется, что я сильней люблю.

Твей каждый вздох был песнею поэта
И,словно вздох, со мной твой звонкий стих.
Я вижу роз цветник, тобой воспетых,
Со мною, мнится, шепчутся они.

ПЕСНЯ ПШАВА

Поток над бездной мчит волну,
Дробя глухую тишину,
И брызги мчатся к горным склонам,
Как слёзы девушки влюблённой.

Цветов ковёр внизу лежит,
Роса бутоны серебрит.
Дочь пшава, в руки взяв чонгури,
Готова спорить с рёвом бури.

Вы, горы Чаргали! О чём
Во мраке шепчете ночном?
Иль, как меня, своею силой
И вас Пшавелы песнь пленила?

ПЕСНЯ О СЧАСТЬЕ

Где б ни был я в стране родимой,
О счастье песню слышу я.
Весной в садах неутомимы
Над розой трели соловья.
Ручей бежит ли шаловливый,
Коснётся ль слуха шум ветвей,—
Везде я слышу гимн счастливый
Любимой Родине моей.
О счастье песня... С ней без страха
К большой земле плывёт корабль,
С нёй на поля выходит пахарь,
Пилот стремится высь набрать.
Её поёт молотобоец,
Мы с нею строим города,
Седой шахтёр о ней в забое
Не забывает никогда.
Мост вырастает с этой песней,
Встают сады среди болот,
И мать с улыбкою чудесной
Её над люлькою поёт.

Пастух, бродя со стадом, вторит
На склонах гор высоких ей,
Ей внемлет и боец в дозоре
У наших крепких рубежей.
В ней—планы наших новостроек,
Звенят слова о счастье в ней,
О счастье, созданном рукою
Творца великих наших дней!

МОЙ СТАЛИН

Я знал, что земля моя велика,
Я знал, что трава весной зелена,
О будущем пел, любил облака,
И часто ночами бродил без сна,
Но вечно лелеял я мысль одну:
Когда-нибудь Кремль увижу и я,
Хоть раз на вождя своего взгляну,
С которым сроднилась мечта моя!
Я жил далеко от Москвы большой,
И юное сердце сжималось тоской.

Быстро проходит год за годом,
Реет орёл над солнечным склоном,
Гуляет ветер под синим сводом,
Леса шелестят плащом зелёным.
И улыбается нам весна,
Весёлые песни поёт страна.

Сталина имя я слышу всюду.
Вождя народов увижу когда я?
Взором его окрылён я буду,
Час долгожданный благословляя,
И вдруг—словно был я снова рождён—
Очнувшийся взгляд стал зорок и прям.
Товарищ Сталин! Да вот же он!
Везде, улыбаясь, встаёт он сам!

Увидел я время в полном цвету,
Увидел творящие жизнь года,
Увидел свершённой свою мечту,
Ибо Сталин со мной—везде, всегда.
Нет пути, где б он не встретился нам,
Где б нас он не видел ночью и днём.

Следит он, как мы летим к облакам,
Как мы в глуши города создаём.
Мой край! Расцветая, к солнцу прильни!
Я слышу листьев зелёный хор:
Я Родиной выращен, как они—
Ласкающим ветром с родимых гор.
В живительный свет одета земля:
То алые звёзды—звёзды Кремля.

В просторы страны, всё в уме отмечая,
Вождь проникает мыслью глубокой,
И к нам, на поля табака и чая,
Идёт из Кремля прямой дорогой.
Он знает, что есть и мой Сухуми,
На нас глядит он пристальным оком,
Он слышит нас в черноморском шуме,

В клёкоте птиц нагорно-высоком.
Он видит край, омытый волнами,
Видит меня с друзьями моими,
И облик его стоит перед нами,
В ушах звучит заветное имя.
Сталин—вся воля наша стальная,
Он—наша партия, наше дело.
Мой Сталин—земли одна шестая,
В нём всё, к чему мы стремимся смело.
Мой Сталин—морей лазурная чаша,
Мой Сталин—любимое имя вселенной,
Мой Сталин—вся радость земная наша,
К правде великой путь вдохновенный.
Не меркнет над миром сверканье дня:
Мой вождь, моё Солнце ведёт меня!

ОЗЕРО РИЦА

Суровой горною дорогой
К тебе не шёл я, а летел;
Волнуем радостной тревогой,
Я жадно на тебя смотрел.
Над рябью волн носился ветер,
И птицы реяли над ней,
И тихо осеняли ветви
Красу Абхазии моей.
Манящее прохладной лаской,
Возникло ты давным-давно.
Но можно ль верить старым сказкам
О том, что здесь погребено?!
Ужель и впрямь земля раскрылась
И поглотила пастуха[1]?
Тут сказка в песню превратилась,
В дыханье моего стиха...
Шумели старые деревья,
Горели юные глаза,

[1] По старинному преданию, в водах внезапно образовавшегося озера погиб пастух со своим стадом.

Над снегом гор скалистых, древних
Сияла неба бирюза.
И озеро меж скал лежало
Подобьем синего цветка.
На берегу его немало
Приехавших издалека
Находит отдых. Смех искрится,
И речи дружные текут,
Всё удаётся здесь на Рице:
Слова и мысль, покой и труд.

П А М Я Т Н И К

Над клейкими ветками, над листвой
Лежат голубые пути рассвета.
Касается ветер сухой рукой
Отлитых из бронзы волос поэта.

Шумят над ним яркие крылья дней,
Мне кажется Пушкин немного грустным;
Ни небо, ни звон молодых ветвей,
Ни город, наверное, им не узнан...

Он издали кажется мне скалой
Средь моря деревьев, в лучах заката,
С трибуною схож пьедестал порой,
И кажется мне, что стоит оратор.

Отсюда он видел огни и тьму,
Прямые дороги, цветы и дали,
И люди другие пришли к нему,
И Пушкинской площадь свою назвали.

Мы знаем, столетье тому назад
Бродил он по старой Москве печален,
Насмешлив, с тревожным огнём в глазах—
Таким его недруги здесь встречали.

Творений его разгорелся свет.
При жизни был мир для поэта тесен,
Взошли по высоким ступеням лет
Слова его ясных, могучих песен.

НА БЕРЕГУ ДОНА

Памяти политрука Александры Назадзе-Пка, павшей в бою за Дон.

На берегу привольном Дона
Бессмертья памятник стоит,—
Могильный холм травой зелёной,
Цветами яркими укрыт.

— Прощайте!—с горестью во взоре
Друзьям шепнула боевым
И умерла. И Дон был в горе,
Он ей, как Мчишта[1], стал родным.

И вот лежит. Здесь всё знакомо,—
Земля, степной ковыль, луга...
Здесь у себя она, как дома,
Здесь била общего врага.

[1] Мчишта—река в Абхазии.

С вершин абхазских гор слетая,
Несётся ветерок родной
И нежит, словно мать родная,
Её могильный холм крутой.

На берегу привольном Дона
Бессмертья памятник стоит.
Бойцы вперёд несут знамёна,
Пред ними путь побед лежит.

1944 г.

ГЕРОЮ БАРЦЫЦ

Герою Советского Союза Раждену Барцыц.

Шли волны на берег. Вставая,
За валом шёл пенистый вал,
И, радостью обуреваем,
Ты путь свой сквозь них пробивал.

Седые далёкие скалы
Горды были силой твоей,
И солнце тебя освещало
Сиянием ярких лучей.

По морю носился стрелою,
Тобой любовался отец,
Вставали валы над тобою,
Но был ты отважный пловец.

Хотел, чтобы сильным и крепким,
Цветущим был край наш родной,
Тебе завещали так предки,
Хранил ты завет тот святой,

Когда ж над страною родимой
Навис чёрной тучи покров,
Отваги огонь негасимый
Опять взволновал твою кровь.

В бой ринулся. Там, на просторе,
Огнём бушевала война.
О, если б он вспыхнул над морем,
То высохло б море до дна!

А ныне над берегом этим
Гремит твоя слава бойца.
Отец твой встаёт на рассвете,
Ликует его апхарца[1].

1944.

[1] Апхарца—народный музыкальный инструмент

ВСТРЕЧАЙ, ДЕВУШКА

Баллада

На гнедом коне домой он скачет,
Девушка, встречай же друга своего.
Песню спой—она теперь иначе
Прозвучит,—в ней слышно торжество.

Конь его уздечку так и тянет.
Конь его не скачет, а летит,
Как он ржёт вот этим утром ранним,
Как он мчится, как во двор спешит.

А давно ли было? Вечерело.
Этот конь осёдланным стоял.
Парень в путь собрался — бодрый, смелый,
Всё же с грустью дом он оставлял.

По путям большим войны суровой
Он скакал на зов страны родной.
Помнил он Вождя родного слово
И любовь подруги дорогой.

Он в боях не оробел ни разу
И встречался, как храбрец, с врагом.
Воевал в предгориях Кавказа,
Был знаком и с Волгой и Днепром.

Защищал просторы Украины,
Как своё родимое село.
Родины великой был он сыном,
Правдой жил и ненавидел зло.

В каждой битве предвкушал победу,
А при неудачах не скорбел.
Чувствовал, что скоро сгинут беды,
Был всегда отважен он и смел.

Проносил победоносно знамя,
Под Берлином он врага добил,
И народ поёт о гордой славе,
Что в боях он доблестно добыл.

Мчится конь. Домой летит весь в мыле.
Не был он рассёдлан столько лет.
Мчится воин. Встретится он с милой
И в глазах его сияет свет.

Как цветы в саду благоухают!
Как тепло от солнечных лучей!
Каждый лепесток его встречает
И стоит подруга у дверей.

На гнедом коне домой он скачет.
Девушка! Встречай же друга своего.
Песню спой—она теперь иначе
Прозвучит,—в ней слышно торжество.

* * *

Стоит он, думами влекомый,—
О, тяжких мыслей череда!
Её он видит, как сквозь дрёму...
Она была так молода!

Бывало, тропками крутыми
Сюда он с нею приходил,
Делясь с ней мыслями своими,
Отраду в сердце находил.

Погибла в омуте кровавом,
Была замучена она...
Её он не оплачет: слава
О ней столетьям вручена!

1944

ПЕСНЯ ПОБЕДЫ

Эта песня—добрый вестник счастья.
Эта песня в битвах рождена,—
Навсегда развеяла ненастье
И весну нам принесла она!

Гром умолк. Последний замер выстрел,
Не взлетает клочьями земля,—
Зарастают наши раны быстро,
Зеленеют заново поля.

Солнце снова с ласковой беседой
Заглянуть стремится в каждый дом.
Там, где Сталин, —там всегда Победа,
Эту песню мы поём о нём!

Это—песня о великом счастье,
О героях, радостях труда,
Эту песню в ясный день, в ненастье
Пела наша Родина всегда.

Эту песню пели в жарком бою,—
С ней к победе, проливая кровь,
Шёл в атаку наш советский воин,
Нёс он в сердце к Родине любовь.

С правдой вместе песня шла в походы,
Шла—и ныне нас зовёт вперёд!
К светлому Грядущему народы
Партия великая ведёт!

Снова солнце с ласковой беседой
Заглянуть стремится в каждый дом.
Там, где Сталин,—там всегда Победа,
Эту песню мы поём о нём.

АЛЕКСЕЙ ДЖОНУА

Ш А Х Т Е Р У

Вспоминаются эти были
Позабытой почти поры;
Мы с тобой пастухами были
На уступах Акармары.

Скотоводы со всей округи
Пригоняли овец сюда.
Сказки сказывая друг другу,
Сторожили всю ночь стада.

Помню я, как мы вброд проходили
Горной речки бурливый гам,
Как играть мы с тобой любили
По тенистым её берегам.

Лес казался для склонов тесен.
(Дуб ещё—и вместить нельзя).
Мы с тобою тогда, ровесник,
По ущельям пасли козлят.

Оказалось, что горы богаты
Чёрным золотом, и с тех пор
Зазвенели кирки и лопаты,
Роя шахты в глубинах гор.

И сегодня в машинном визге,
Подымаются корпуса;
На крутых берегах Гализги
Вырастают домов леса.

И ты вырос, и с лампой шахтёра,
Отирая солёный пот.
Ты в породу врубаешься споро
И успещно идёшь вперёд.

Ты работаешь так, как надо,
И ведёшь за собой отряд—
Замечательную бригаду
Из таких же как ты ребят.

На угле горячем и смуглом
Отражается блеск твоих глаз.
Среди тех, кто сдружился с углем,
Ты один из первых сейчас.

Ты работаешь так как надо,
Как работает вся страна,
Чёрным золотом Родину радуя,
Чтоб цвела ещё ярче она.

Т Б И Л И С И

Взошёл на Мтацминдскую гору[1],
Оттуда гляжу на Тбилиси.
Мечты мои с думами спорят,
Солнца лучи в синей выси.

Блистают дворцы подо мною,
Кура мчится в бешеной пляске;
Проснулась долина. Не скрою
Любви моей к городу-сказке.

Не здесь ли сам Пушкин когда-то
Бродил, бурной думой наполнен?
Не грузины ль кровью богато
Красили чёрные волны?

Не здесь ли года молодые
Провёл вождь великий народов?

[1] На горе Мтацминда, возвышающейся над Тбилиси, разбит новый парк культуры и отдыха имени Сталина.

Не здесь ли ковал он стальные
Отряды бойцов за свободу?

Весь город в приветном сверканьи,
Всё звонче народные песни.
Струятся Мтацминды фонтаны...
Гляжу я на город чудесный.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Я посмотрел в пронизанные светом
И необыкновенные глаза.
Ко мне любовь пришла в минуту эту,
Но я о ней ни слова не сказал.

Мы разошлись. Не открывая тайны,
Взволнованный, смотрел я долго вслед.
Такой любви — живой, необычайной,
Мне кажется, что не было и нет.

И вот опять увидел я случайно
Мою любовь в сиянье красоты.
Она стояла средь плантаций чайных
И собирала нежные листы.

Взглянула мельком и меня узнала.
Казалось, яркий луч сверкнул из тьмы.
Мы говорили с нею не словами,
Глазами только говорили мы.

И вот однажды встретились мы снова
Среди чужих и незнакомых мест
Так неожиданно,—в разгар войны суровой.
На рукаве её заметил красный крест.

Она меня узнала. Поле боя
Огнём пылало. Оба мы в крови.
Она ушла и я ушёл с тоскою,
Не забывая о своей любви.

Но вот сверкнуло зарево победы.
Страна моя улыбкой зацвела,
И, радостный покой опять изведав,
Она вперёд к победам мирным шла.

И вот опять в морском прибойном шуме
Любуясь волн причудливой игрой,
Любовь мою увидел я в Сухуми
И прошлое воскресло предо мной.

Я на неё взглянул. Она узнала.
Над нами свод лазоревый сиял.
Я был безмолвен и она молчала,
Но взгляд её мне больше слов сказал.

ПОЛЕВАЯ ПЕСНЯ

Народ обогащаем
Обильным урожаем;
Его мы обещаем
И вырастим, друзья!

Все трудятся умело,
Нет никого без дела.
Бороться надо смело
И отставать—нельзя.

Обильны наши лозы,
И песня из колхоза
Несётся словно лозунг:
Трудись и обгоняй!

В борьбе не уступая
И рук не покладая,
Поём мы, собирая
Обильный урожай.

В одном колхозном стане
Начнём соревнованье,
И кто тогда отстанет,
Посмотрим ты и я.

Народ обогащаем
Обильным урожаем;
Его мы обещаем
И вырастим, друзья!

ЗДРАВСТВУЙ, СУХУМИ!

Сухуми! Здравствуй, милый город!
К тебе вернулся снова я,
Родные вижу вновь просторы,
Но изменилась стать твоя.

Гора, как прежде, над тобою.
Невестой выглядит она,
Зелёной убрана листвою,
В покров цветов наряжена.

Но кое-где окопы, щели...
Ещё следы заметны их.
Твои там воины сидели,
Ряды защитников твоих.

Цветами поросли откосы,
Неувядаемой травой.
Она в медвяных тонет росах,
Вставая с утренней звездой.

Враг шёл ордою оголтелой,
В пути живое всё губя,—
Бросал он бомбы, озверелый,
На вечно юного, тебя.

Он подходил... Ещё б немного,
И он, коварный, здесь бы был.
Но на горах ему дорогу
Советский воин преградил.

Ты уцелел, Сухуми гордый!
Люби ж защитников своих,—
Они идут к тебе на отдых,—
Встречай дождём цветов живых!

Д У Б

Под горным ветром, старый и суровый,
Стоишь ты, дуб, у Панау-горы.
Под ярким солнцем скрученной подковой
Свисает со ствола лоскут коры.

Вершины—что невесты под чадрами,
Семья косуль резвится на скале,
Дым парохода—тучкой над волнами,
А берег тонет в солнечном тепле.

Ты очень стар. Наверное, ты слышал
Гонимых махаджиров плач и зов.
Ты помнишь? Вырос папоротник пышен
На пепелище сирых очагов.

Сегодня здесь звучат иные песни!
Здесь молодой Абхазии приют!
Взгляни же, дуб: столетний твой ровесник—
Седой старик—и юн и счастлив тут.

Н А Е З Д Н И К

Он землю крепко бьёт ногою, след оставляя, как
тавро.
И шею выгнул он дугою. Седло—сплошное серебро.
Его пышна, волниста грива; лоснится он—краса-
вец наш
Танцует конь нетерпеливо, как легендарный кон
араш.

Наездник смелый и удалый как бы прирос к его
спине,
Движенья ног и шпор удары—всё гармонирует
вполне,
Когда он лихо крикнет: „Чоу!“, на солнце заб-
лестит клинок,
И конь помчится первым, чтобы никто опередить
не смог.

САНДРО САНГУЛИА

ПЕСНЯ О САЛЮТЕ

Почему эта ночь так светла?
Так прекрасна? Гляжу я наверх,—
Словно молния путь провела;
Взвился к небу огнём фейерверк.

Бесконечно глубок небосвод,
И луна неподвижно висит.
Я садами шагаю. Встаёт
Предо мною морская синь.

Песнь Победы в эфире звенит,
Нарастает сильней и сильней.
Через горы и море летит
И волнует сердца людей.

Нет, не струны то чонгури
И не ачарпана звук,

Это пушки мощным гулом,
Песней славы воздух рвут.

Я такой не слышал песни
Ни средь гор, ни средь полей,
И свирель пред нею меркнет,
Муза никнет перед ней.

1945

* * *

Месяц выплыл легко из-за туч,
И восток осветился зарёю,
Белоснежных хребтов и круч
Очертания предо мною.

Вот ракеты вдали поднялись,
Как стеклянные чаши разбились,
На секунду огнями зажглись
И навеки за тучами скрылись.

Я иду по немецкой земле,
По угрюмым немецким селеньям,
И твой образ сияет во мгле,
Как сияет звезда в отдаленьи.

Я увидел родные глаза
За густою ночной пеленой.
Свою рану я перевязал
Тем платком, что подарен тобою.

Ты одна, я в далёком пути,
Новый год я с тобой не встречаю.
Назира! Не тоскуй, не грусти,
Не ревнуй ни к Днестру, ни к Дунаю.

Назира! Не тоскуй, не грусти,
Не тумань свои очи слезою,
Верь, что радость нас ждёт впереди,
Что вернусь я победной тропою.

1944.

СЛУШАЛ МИР

Смирив движенье, шумы, клики,
Мир, чутко внемлющий, открыт
Словам, что сын его великий,
Из лучших лучший, говорит.

Затих у скал морской прилив,
Не плещет волнами река,
Умолкла птица, петь забыв,
Людская замерла рука.

Какая радость, весть какая
Дошла к сердечной глубине?
Чья сила, слушать заставляя,
Всё покоряет тишине?

Постой, товарищ, слушай: вот
В том голосе для всех ответ,
Тебя им призывает тот,
Кому подобных в мире нет.

Внимай же голосу родному,
Что из Кремля несётся к нам—
На счастье миру трудовому,
На сокрушение врагам!

Товарищ, напряги свой слух,
Пойми социализма мощь.
Товарищ, слушай — счастья дух
Вместил в законы мудрый Вождь!

Как наше сталинское время,
Эпохи не было другой!
Ликуй же, сталинское племя:
Где, у кого отец такой?

У нас труду—от всех почёт,
У нас обилен каждый дом.
Как песня, наша жизнь течёт;
В прекрасном веке мы живём!

МАСТЕР СЛОВА

Какое сердце перестало биться,
Какая оборвалась нить.
Погас огонь, но будет он светиться
И будет ум попрежнему светить.

Его поэзия лилась ручьём обильным.
Для Горького не может быть конца —
История не забывает сильных,
Философа, поэта и борца.

Его слова, могучие, как буря,
Его слова, гремящие, как гром,
Нам говорят о жизни, о культуре,
Куют наш ум, зовут на бой с врагом.

М О Р Е

На морском берегу я стою
В вихре брызг, утомлённый от шума.
В львиной ярости песню свою
Вторит море могуче, угрюмо.

Словно сильный огонь под тобой,—
Так кипишь ты сегодня, стихия!
Серебро распыляя, прибой
Рвётся ввысь, в небеса голубые.

По равнинам твоим корабли
Проплывают с неведомой целью.
Будто чайки несутся ладьи,—
Всем ты служишь равно колыбелью.

Вечно кремни шлифуя, дробя,
Ты—свободно, шумишь величаво.
И летит выше облака слава
О героях, отбивших тебя.

На морском берегу я стою
В вихре брызг, утомлённый от шума.
В львиной ярости песню свою
Вторит море могуче, угрюмо.

П У Ш К И Н

Прошло уж более ста лет,
Как умер знаменитый Пушкин.
Дантес направил пистолет
В поэта на лесной опушке.

Свинец живое тело рвёт,
На снег струится кровь поэта.
Он ненавидел царский гнёт,
И царь ему отмстил за это.

Зарыт убийцами поэт,
Но умерло одно лишь тело.
И хоть минула сотня лет,
Живёт его большое дело.

Ещё не раз пройдут года,
Иные дни и люди будут.
Века пройдут, но и тогда
Его творений не забудут.

ЧИЧИКО ДЖОНУА

ОСЕНЬ

Луч солнца поднимался выше;
Всё оживилось поутру,
И каждый на работу вышел
И взялся радостно за труд.

Вот здесь в глубокие корзины
Сбирают спелый виноград,
Арбы, пускаясь в путь недлинный,
Со скрипом покидают сад.

В работе показав сноровку,
Ведут уборку старики.
Мужчины с женщинами ловко
Чалу срезают у реки.

А мандарины, апельсины
К земле склоняются, дрожа.

Несут колхозники корзины,
Снимать богатый урожай.

Вот пылью окружён густою,
Колхозный скот идёт, гудит.
С ружьём и дудочкой простою
Пастух шагает впереди.

Своих овец пережидая,
Постлал он бурку, сел в тени,
И долго, сердце услаждая,
В долине песенка звенит.

Устав, лежит собака рядом;
А горизонт—в сиянье весь.
Куда вокруг ни кинешь взгляда,
Повсюду—радость, труд и песнь.

Мечта сегодня стала былью:
Пришёл колхозный урожай.
Так здравствуй, осень изобилья!
Поля весельем оглашай!

МЗАУЧ АБРАСКИЛ

Ц Х У М И[1]

Как-будто золотистой пылью
Покрылась вдруг морская грудь,
И солнце в воду опустилось,
Окрасив в пурпур всё вокруг.

Покровы сумерек крылатых
На гору медленно ползут,
Туда, где был дворец Баграта[2],
Где мох и плющ нашли приют.

Когда-то в замке древнем этом
Жизнь клокотала, как поток,
И море, вздыбленное ветром,
Кидалось так же на песок.

---

[1] Цхуми—древнее грузинское название города Сухуми.

[2] Баграт—царь объединённой Грузии.

Снося невзгоды, шквалы, бури,
Стоял здесь Цхуми, крепок, горд.
Вздымались стены Келасури,
Как стража, на вершинах гор.

И царь Баграт с отвагой львиной
Громил врагов родной страны,
Смотрю с любовью на руины,
Обломки славной старины.

Вдруг вспыхнул свет, прервав раздумье,
На замке,—в море—сноп лучей.
Внизу сверкает новый Цхуми,
Цветущий Цхуми наших дней.

1946

ГЕОРГИЙ ГУЛИА

К О Н Ь

Серебром мой конь украшен,
Спутник славный, неизменный;
Смертный бой ему не страшен,
Враг пред ним бежит, презренный.

Из ноздрей клубится пламя,
Бьют, как гром, его копыта,
В пыль под ним крошится камень,
Бороздой земля изрыта.

Лесом мчась непроходимым,
Словно ветер он просвищет
И, средь зарослей незримый,
Нужный путь всегда отыщет.

А на поле необъятном,
Вторя лязгу и жужжанью,

Не смолкают топот ратный
И, как клич призывный, ржанье...

Серебром мой конь украшен,
Спутник славный, неизменный;
Смертный бой ему не страшен,
Враг пред ним бежит, презренный.

ПЕСНЯ АРОБЩИКА

На скрипучей арбе,
Я пою о тебе,
И песня моя широка.

И не зная о том,
Бьёт лениво хвостом
Мой буйвол крутые бока.

Пусть бы ехал сто лет,
Не устал бы, о, нет!—
Всё бы пел о тебе, о тебе...

Если спросят меня:
„Кто такая она?“—
Ничего не скажу о тебе.

Лишь бы ведала ты,
Лишь бы слышала ты,
Как песнь о тебе широка!

И не зная о том,
Бьёт лениво хвостом
Мой буйвол крутые бока...

МОГИЛА БОЙЦА.

Памяти Михаила Цушба,
отважного снайпера
Ленинградского фронта.

Там, где вязкие топи
Покрыты поблёкшим мхом,
Заносят снежные хлопья
Серый могильный холм.

Сошла недолгая юность
С его молодого лица.
Стоит берёза сутулясь
Над прахом священным бойца.

Горы крутые далёко,
Тропок не вьётся пыль.
Вознёсся в небо высоко
Адмиралтейский шпиль.

В тревожные ночи, в холод
Острый не меркнет взгляд,

Жив несгибаемый город,
Сказочный Ленинград!

И горцу стал он ближе,
Ближе, чем мать, чем отец;
Над кажд й маячил крышей
Гор снеговой венец.

Глаз его ощур меткий
Врагам не давал вздохнуть—
Вражьи омыкали веки
Пули, разящие грудь!

Поют над могилой метели,
Вьюга над нею свистит.
Как мать в родной колыбели,
Сына земля хранит.

ДЕТСКАЯ ПЕСНЯ

Маленькая крошка Гунда,
Есть в больших горах олень,
С сердцем твердым как кремень,
Не олень, а просто чудо—

Весь из золота олень,
Вместе с ним приходит день.

Гунда, маленькая крошка,
Спит олень, усни и ты.
Светит месяц с высоты,
Серебрит оленю рожки.

А когда настанет день,—
Значит выспался олень.

Не буди его до срока,
Где то он прилёг в траве,
Ну, а завтра в синеве
Он появится с востока,

Золотой придёт олень—
Снова засияет день!

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Гулиа

Победители. *Перевод Б. Серебрякова* 3
Море. *Перевод Б. Серебрякова* 4
Песня о герое из героев. *Перевод Я. Сашина* . . 5
Муравей. *Перевод Б. Серебрякова* 7
Памятник Руставели в Сухуми. *Перевод С. Спасского* . 9
Родник. *Перевод А. Кочеткова* 10

Баграт Шинкуба

Пятилетка. *Перевод Г. Крейтана* 12
Шаруан спокойно возвращался домой. *Перевод Г. Крейтана* 14
Памятник славы. *Перевод Б. Серебрякова* 19
„Юноша долго и молча сидел“. *Перевод Р. Ивнева* . 21
Прекрасная Гунда. *Перевод Б. Серебрякова* . . . 23
„Однажды вечером“. *Перевод Р. Ивнева* 26
Отец. *Перевод Б. Серебрякова* 27
Воспоминание. *Перевод Б. Серебрякова* 29
Осенний сад. 32
Шарда амца. *Перевод В. Державина* 34
Все расскажу тебе. *Перевод К. Липскерова* 36

Киазим Агумаа

Песня о Берия. *Перевод Б. Серебрякова* 38
Песня о Родине. *Перевод Б. Серебрякова* 40
Абхазские горы. *Перевод Б. Серебрякова* 41
Новогодняя. *Перевод Р. Ивнева* 43

Могила героя. *Перевод Б. Серебрякова* 45
Ачарпан. *Перевод Б. Серебрякова* 47
За это я люблю. *Перевод Р. Ивнева* 51
Цветок в саду. *Перевод Б. Серебрякова* 53
Город цветов. *Перевод Б. Серебрякова* 55
Твои песни. *Перевод Б. Серебрякова* 57
Песня пшава. *Перевод Б. Серебрякова* 59
Песня о счастье. *Перевод Б. Серебрякова* 60

Леварса Квициния

Мой Сталин. *Перевод А. Кочеткова* 62
Озеро Рица. *Перевод В. Звягинцевой* 65
Памятник 67

Иван Тарба

На берегу Дона. *Перевод Б. Серебрякова* 69
Герою Барцыц. *Перевод Б. Серебрякова* 71
Встречай, девушка. *Перевод Р. Ивнева* 73
„Стоял он, думами влекомый.“ *Перевод Б. Серебрякова* 75
Песня победы. *Перевод Б. Серебрякова* 76

Алексей Джонуа

Шахтеру. *Перевод Г. Крейтана* 78
Тбилиси. *Перевод А. Чачикова* 80
Первая любовь. *Перевод Р. Ивнева* 82
Полевая песня. *Перевод Г. Крейтана* 84
Здравствуй, Сухуми! *Перевод Б. Серебрякова* . . . 86
Дуб. *Перевод В. Звягинцевой* 88
Наездник. *Перевод Г. Крейтана* 89

Сандро Сангулиа

Песня о салюте. *Перевод Р. Ивнева* 90
„Месяц выплыл легко из-за туч“. *Перевод Р. Ивнева* 92
Слушал мир. *Перевод А. Кочеткова* 94
Мастер слова. *Перевод Б. Ковынева* 96
Море. *Перевод И. Новодворского* 97
Пушкин. *Перевод Б. Ковынева* 99

Чичико Джонуа

Осень. *Перевод Г. Крейтана* 100

Мзауч Абраскил

Цхуми. *Перевод Б. Серебрякова* 102

Георгий Гулиа

Конь 104
Песня аробщика 106
Могила бойца 107
Детская песня 109

Редактор *Н. Микава*
Художник *И. Равмодзе*
Об'ем книги: печ. л. 3½ уч.-изд. 3,8

Заказ № 2-12 Тираж 5000 экз. УЭ 13616

Тип. им. Мясникова „Заря Востока", г. Тбилиси, пр. Руставели 42

7 руб.